Жила-была на свете женщина - настоящая ведьма, и были у нее две дочери. Одна была безобразна и зла, и ту она любила, потому что это была ее родная дочь. Другая была прекрасна собою и сердцем добра, и ту ведьма ненавидела, потому что та ей приходилась падчерицей.

Однажды падчерица надела фартучек, и он до такой степени понравился ее названой сестре, что та, завидуя, потребовала у матери и себе такого же фартучка.

"Повремени, дитятко, - сказала ведьма, - будет у тебя такой фартучек. Твою названую сестрицу давно убить следует, и вот сегодня ночью, как только она заснет, я приду к вашей кровати и отрублю ей голову. Позаботься только о том, чтобы лечь в постели у нее за спиною, а ее повыдвинь вперед."

Бедняжка и точно должна была бы поплатиться жизнью, если бы она из укромного уголка не подслушала всей беседы матери с дочкой.

За целый день бедная падчерица не посмела даже и шагу ступить за порог дома.

А когда вечером пришло время спать ложиться, бедная девушка должна была первая улечься в постель, чтобы ее злая сестра, как и велела ей мать, могла лечь позади.

Но когда та заснула, падчерица несколько выдвинула ее вперед, а сама залезла за ее спину, к стенке.

Среди ночи старуха подкралась к постели, держа в правой руке топор, а левой ощупала, лежит ли кто-нибудь, выдвинувшись головой вперед.

И затем, ухватив топор обеими руками, отрубила голову своей родной дочери.

Когда она удалилась, девушка поднялась с постели, пошла к своему милому, которого звали Роландом, и постучалась у его двери.

Когда он к ней вышел, она сказала ему: "Слушай, миленький Роланд, мы должны отсюда бежать как можно скорее: мачеха хотела меня убить, но вместо меня убила свою родную дочь. Когда рассветет и она увидит, что сделано ею, мы погибли!" - "Однако же я тебе советую, - сказал Роланд, - чтобы прежде побега ты взяла у нее из дома ее волшебный жезл, а не то мы не сможем спастись от ее преследований никаким бегством."

Девушка принесла волшебный жезл ведьмы, а затем взяла отрубленную голову сестры и накапала три капли крови: одну перед постелью на полу, одну в кухне и одну на лестнице.

После этого девушка поспешно удалилась вместе со своим возлюбленным Роландом.

Когда же старая ведьма проснулась поутру, она кликнула свою дочку и хотела отдать ей фартучек падчерицы, но та не явилась на зов ее. "Да где же ты?" - крикнула ведьма.

"Здесь я, на лестнице, подметаю!" - отвечала ведьме одна из капелек крови.

Старуха вышла на лестницу, никого там не увидала и еще раз крикнула: "Да где же ты?"

"Да здесь, в кухне, пришла погреться!" - отвечала ей вторая капелька крови.

Ведьма и в кухню пошла, и там ничего не нашла. "Да где же ты?" - закричала она дочке в третий раз.

"Ах, да здесь же я, в постели, сплю," - крикнула ведьме третья капелька крови.

Та пришла в комнату, к постели - и что же там увидела? Свое родное дитя, которое плавало в крови и которому она своими руками отрубила голову.

Ведьма пришла в ярость, бросилась к окну, и так как она обладала способностью очень далеко видеть, то увидела свою падчерицу, которая поспешно удалялась со своим милым Роландом. "Не уйдете вы от меня! - прошипела ведьма. - Как бы далеко вы ни были, и все же не уйдете!"

Она тотчас обула свои сапоги-скороходы, в которых она, что ни шаг, то час пути перемахивала, и немного спустя уже нагнала обоих беглецов.

Но, завидев издали старуху-ведьму, девушка обратила при помощи волшебного жезла своего милого в озеро, а сама обернулась уточкой и стала среди того озера плавать.

Ведьма остановилась на берегу, стала бросать утке крошки хлеба и всеми силами старалась приманить ее к берегу; но утка себя приманить не дала, и старая ведьма должна была вечером вернуться домой, так ничего и не добившись.

А падчерица ее со своим милым снова приняли свой обычный вид и еще целую ночь шли путем-дорогою до рассвета.

А на рассвете падчерица обернулась сама в прекрасный цветок среди терновой изгороди, а своего милого Роланда обернула в музыканта со скрипкой.

Вскоре после того явилась следом за ними и ведьма и сказала музыканту: "Милый музыкант, дозволено ли будет мне сорвать этот цветок?" - "О да, конечно, - отвечал музыкант, - я даже помогу тебе, подыгрывая на моей скрипке,"

И вот, когда она поспешно залезла в изгородь, стараясь поскорее сорвать цветок (она, конечно, знала, кто цветком обернулся), музыкант начал подыгрывать, и ведьма волей-неволей должна была плясать, потому что музыка эта была волшебная.

И чем скорее он наигрывал, тем выше она подпрыгивала, и терновник срывал с нее одежду клочьями и терзал ее тело. Так как музыкант не переставал играть, ведьма плясала до тех пор, пока не пала мертвой на землю.

Когда они таким образом избавились от ведьмы, Роланд сказал: "Я теперь отправлюсь к отцу моему и займусь приготовлениями к свадьбе." - "Ну, так я покамест здесь останусь, - сказала девушка, - и подожду тебя; а для того, чтобы никто меня не узнал, я обернусь красноватым камнем."

Роланд ушел, а девушка, превратившись в красноватый камень, осталась на поле и стала ждать своего милого.

Но когда Роланд вернулся домой, он попался в западню к другой женщине, которая довела его до того, что он забыл свою милую.

Долго ждала его девушка; но когда он совсем не вернулся, она запечалилась и обернулась цветком, подумав: "Авось, кто-нибудь пойдет путем-дорогою и меня растопчет."

Случилось, однако же, что на том поле пастух пас овец, увидел цветок, сорвал его, потому что он уж очень красив ему показался, снес домой и положил к себе в ящик.

С той поры все в доме пастуха стало совершаться каким-то чудом; чуть он поутру вставал, уже вся работа была в доме сделана: комната выметена, стол и лавка чисто протерты, огонь разведен в очаге, и вода в дом наношена.

А в полдень, когда он возвращался домой, у него уже и стол был накрыт, и хорошее кушанье на стол подано. Он даже и понять не мог, как это происходило, потому что он никогда никого не видел в своем домике, да негде было в нем и спрятаться.

Понравился пастуху этот тщательный уход за его домом; но затем он уж стал этих домашних чудес понемногу и побаиваться.

Пошел он к одной ведунье и спросил у ней совета. Ведунья сказала: "Тут колдовство в дело замешано; как-нибудь рано утром приметь, не движется ли что-нибудь в комнате, и если что-нибудь увидишь, что бы там ни было, сейчас набрось белый платок, и действие волшебства сразу прекратится."

Пастух поступил, как ему было сказано, и на другое утро на самом рассвете он увидел, как ящик стола открылся и цветок из него вышел. Подскочил он к цветку и набросил на него белый платок. И тотчас цветок обратился красивой девушкой, и она созналась ему, что была цветком и в виде цветка присматривала за его домашним хозяйством.

Рассказала она ему судьбу свою, и так как она ему понравилась, он спросил у нее, не хочет ли она за него выйти замуж; но она отвечала: "Нет," - так как она хотела все же остаться верна своему милому Роланду, хоть тот и покинул ее. Но она обещала, что не уйдет из его дома и будет продолжать вести его хозяйство.

Тут как раз подошло время свадьбы Роланда, и по старинному обычаю было по всей стране объявлено, чтобы все девушки собирались на свадьбу и славили молодых песнями. Красная девица, как услыхала об этом, так запечалилась, что у ней сердце разрывалось на части; она и не хотела идти на эту свадьбу, да другие девушки зашли за нею и увели ее с собою.

Когда же наступала ее очередь петь в честь новобрачных, она все отходила, пока не осталась одна-одинешенька и должна была при них пропеть свою песню.

Но едва только она запела и Роланд заслышал ее пение, как вскочил он и воскликнул: "Этот голос знаком мне! Это поет моя настоящая невеста; другой я не желаю!"

Все, что он уже успел позабыть и что давно изгладилось из его памяти, вдруг вновь проснулось в его сердце.

Тогда верная Роланду девушка пошла с ним под венец, и ее страдания окончились, и наступили для нее дни счастья и радости.